

В дореволюционном Киеве Рождество встречали в кругу семьи, а на Новый год устраивали балы и корпоративные вечеринки.

С незапамятных времен излюбленным зрелищем украинцев на Рождество был так называемый вертеп. Его идею позаимствовали в Западной Европе на рубеже XVI-XVII столетий. Само слово «вертеп» обозначало укромное убежище, подобное тому, в котором у Девы Марии родился Сын Божий в Вифлееме.

Вертеп представлял собой переносное сооружение из тонкой древесины и картона, устроенное в два этажа. Верхний ярус соответствовал святому месту в Вифлееме, а в нижнем как бы находился дворец царя Ирода. В зимние праздники такие вертепы устанавливали перед толпой зрителей и разыгрывали кукольные спектакли-мистерии. Они обычно состояли из двух частей. Первая была посвящена евангельским событиям и заканчивалась смертью жестокого царя Ирода. После этого начиналась вторая часть — своеобразная народно-бытовая интермедия.

Особенно рьяными пропагандистами вертепа стали наши студенты (спудей). Воспитанники Киево-Могилянской академии, странствуя в свободное от занятий время, сами сочиняли тексты мистерий, сами же их и разыгрывали. За это полунищие бурсаки получали от публики деньгами или продуктами неплохой приварок к убогому содержанию.

Со временем старинная украинская традиция ушла в историю, отголоском ее остались разве что бедняки-христославы, ходившие в рождественские дни по деревням и городским окраинам со звездой, песнопениями и колядками. А вот на Западе, откуда к нам пришли вертепы, они сохранялись и в дальнейшем. Когда на исходе 1901 года Леся Украинка приехала в итальянский Сан-Ремо, она с интересом рассматривала в тамошних церквах самые настоящие вертепы с фигурками Мадонны и св. Иосифа, а на заднем плане — итальянских девушек с мандолинами...

Только с середины позапрошлого столетия у наших земляков вошли в обычай столь знакомые нам теперь новогодние елки. Впрочем, тогда их называли более точно — рождественскими. Как раз в канун Рождества они появлялись в домах, а с наступлением праздника детишки обнаруживали под елкой подарки, возникшие там «волшебным» образом.

Естественно, подготовка елки требовала усилий — как организационных, так и материальных. Само дерево раздобыть на базаре было несложно и недорого. В старом Киеве соотношение между количеством населения и лесонасаждениями вокруг города было не в пример нынешним временам в пользу елок.

Однако зеленую красавицу нужно было еще и украсить. Во многих семьях со скромным достатком решали этот вопрос просто. Покупали картон, цветную бумагу, использовали проволоку, тряпочки и лоскутки, и из них при помощи умелых рук создавали гирлянды, маски, звезды, кукол и прочие игрушки. В итоге елка выглядела пусть и не шикарной, но все же симпатично наряженной.

Те, кто не был стеснен в средствах, могли позволить себе фабричные украшения. В Киеве магазины, торговавшие елочными игрушками, были сосредоточены на Крещатике. В их преискурантах можно было найти товары на любой вкус и цену. К примеру, в начале прошлого века обычные стеклянные украшения: шары, фрукты и т. п. — стоили от 12 коп. за дюжину.

Дюжина хлопушек, в зависимости от заполнения и сложности, обходилась от 10 коп. до нескольких рублей. По 20-25 коп. за дюжину можно было купить всяческие бонбоньерки, а специальные стеклянные или металлические подсвечники тянули на ту же сумму, но уже за штуку; приплатив еще несколько копеек, можно было получить подсвечник с прикрепленной к нему настоящей еловой шишкой. Сто лет назад уже были распространены бенгальские огни, которые называли «чудо-свечи, безопасные и без запаха», цена им была пятак за штуку.

Впрочем, можно было не мудрствуя лукаво купить «полный ассортимент для елки» с нижним пределом цены 2,5-3 руб., а верхним — десятка и дороже. Товары были отнюдь не кустарными, киевские магазины нередко торговали высококачественными фабричными елочными украшениями петербургского, московского, а то и зарубежного производства.

Праздники для обеспеченных детей традиционно длились от Рождества до Крещения. Только после этого, 7 января по старому стилю, назначалась елка для бедноты. Готовил ее в Киеве так называемый Дом трудолюбия, располагавшийся на Гоголевской улице. Сотрудники этого общественно-филантропического учреждения рассчитывали, что у горожан после их праздников останется что-нибудь лишнее, чем не жаль будет поделиться с нищими детками. И Дом трудолюбия, сообщая на страницах прессы о предстоящем мероприятии, призывал всех сочувствующих «жертвовать ненужные им вещи, а именно: остатки от елок в виде украшений и лакомств, а также старую одежду и обувь». Добрые люди проявляли отзывчивость, и обездоленная детвора, хоть и с опозданием, но получала свой скромный праздник.

Более своевременно проходила елка для малоимущих воспитанников городских начальных училищ. Отцы города считали их своими подопечными и предоставляли под праздник зал городской Думы. При этом проявляли находчивость, выдумку. К примеру, при встрече Нового 1900 года на благотворительном празднике в думском зале была устроена «живая елка». На специальном помосте в виде шестигранной уступчатой пирамиды высотой в 3,5 м уселись несколькими рядами девочки, а на самой верхней площадке — мальчик.

Все держали в руках еловые ветки. «Живая елка» венчалась красивой рождественской звездой и подсвечивалась электрическими фонариками. Вокруг нее веселились 700 детей. Были танцы и хороводы; за счет городского бюджета раздавали пироги, булочки с сардельками и конфеты. А «елка» читала стихи, причем коллективно: начинала одна ветка, продолжала другая.

Заметим, малышам не пришлось расходиться после праздника пешком по ночному городу. Своевременную любезность оказало правление акционерного общества «Городской железной дороги». Специальные трамваи сначала привезли всех детей на елку, а потом развезли по домам.

Для наших предков каждый зимний праздник имел четко выраженную «целевую аудиторию»: Рождество прежде всего для дома, для детей, а вот Новый год — для взрослых.

Именно под Новый год состоятельное население бросалось в вихрь всевозможных развлечений. Как было сказано в одном киевском фельетоне сто с лишним лет назад: «Бал, бал-маскарад, просто маскарад, семейно-танцевальный вечер, просто танцевальный вечер и елка, елка, елка в квадрате, елка в кубе... А толпа? Толпа регулярно напивалась и на балах, и на маскарадах, и на елках, и больше всего, кажется, на семейных вечерах». В нескольких строках здесь охвачены все основные варианты

праздничных собраний.

Балы и балы-маскарады устраивали наиболее знатные горожане, солидные учреждения и корпорации. Для этого порой нанимали самые респектабельные помещения, такие как залы Купеческого и Дворянского собраний. Киевское купечество ежегодно давало свой традиционный новогодний бал-маскарад. В Купеческом собрании (теперь здание Национальной филармонии) собирался весь городской бомонд, загодя припасший наряды от лучших портных. К часу ночи зал переполнялся. Начинались танцы, но значительная часть публики еще долго предавалась флирту или занималась «интригой» — разгадыванием масок.

Впрочем, кое-кому дворянские и купеческие балы казались излишне чопорными и манерными. Таким была прямая дорога в «Шато де Флер» — популярнейшее злачное заведение на месте нынешнего стадиона «Динамо», где царила необыкновенная легкость нравов и можно было расслабиться на год вперед под залихватские пассажи канкана.

Семейные и танцевальные вечера имели более благообразный вид. Их проводили в домашней обстановке или в небольших клубных залах группы родственников, знакомых, сослуживцев. Устраивали складчину либо поочередно выступали в качестве организаторов. Непременным атрибутом таких вечеров были любительские выступления молоденьких певиц, чтиц, пианисток, демонстрировавших таким образом свои таланты и глубину натуры перед потенциальными женихами. О зарплате девушки не думали.

Наконец, еще одним характерным признаком начавшегося года были новогодние визиты. Служащие вкладывали в это дело особый смысл. Их первой обязанностью было явиться 1 января к дому начальника и оставить свою карточку либо расписаться в специальной книге поздравлений. Манкировать такими вещами — значило серьезно осложнить свой карьерный рост. Не столь обязательными, но тоже весьма желательными были визиты к друзьям и родным.

По словам фельетониста газеты «Киевское слово», считалось, что «в этот день новогоднему визитеру простительно и даже обязательно поглупеть, по крайней мере, на триста процентов... Визитеру разрешается забыть на этот день все общеупотребительные обороты русской речи, за исключением следующих: «Дома?» — «Мое почтение!» — «С Новым годом, с новым счастьем!» — «Отличная погода!» или

«Ужасная погода!» — и «Честь имею кланяться!». «Следовало бы кому-нибудь придумать, — продолжал фельетонист, — «Руководство для новогодних визитеров, или Новейший усовершенствованный способ поглупеть в двадцать четыре часа».

Как видим, последние дни уходящего и первые дни начавшегося года киевские обыватели проводили в праздничных хлопотах, чередующихся с развлечениями. Но кое-кому и в Сочельник, и в новогоднюю ночь было не до отдыха. К примеру, на исходе 1898-го киевский полицмейстер Вячеслав Цихоцкий, занявший должность в истекающем году, издал специальное предпраздничное распоряжение, которое предписывало «приставам и всем чинам полиции принять надлежащие меры к поддержанию в городе порядка, спокойствия и общественной тишины».

Прежде всего правоохранительные органы обязывались вести бдительное постовое наблюдение. Городовых предупредили, что «за пьянство и отлучку с постов они будут исключаться со службы». Для контроля их добросовестности каждую ночь, в разные часы, назначались специальные надзиратели. С другой стороны, и всем киевским дворникам вменялось в обязанность проверять, чтобы в квартирах горожан, ушедших веселиться, не хозяйничал никто посторонний. На всякий случай полицмейстер предостерег дворников, что «за каждую допущенную кражу они будут привлекаться к ответственности».

Особые дежурные дворники должны были совершать уличные обходы, и им предписывалось «ходить на дежурстве не посередине улицы, а по тротуару вдоль домов, порученных их надзору; в вечернее и ночное время наблюдать за проходящими с ношами; подозрительных лиц задерживать и передавать постовым городовым, подзывая свистком и соседних дворников». На улицах полицейским следовало «требовать полного порядка и тишины, не допускать криков, пения, брани и других неприличных выходок».

Если же кто нарушал порядок, то «чинам полиции вежливо, но настойчиво предлагать соблюдать благочиние и приличие, а упорствующих, буянов, пристающих к женщинам и проституток, ведущих себя на улицах неприлично, задерживать, отправлять в участок и привлекать к ответственности». Надлежало также «следить за своевременным закрытием трактирных и питейных заведений и за правильностью праздничной торговли».

Позаботился полицмейстер и об облике Киева: «Поддерживать чистоту на улицах и требовать тщательной уборки тротуаров. Ежедневно три раза в день тротуары посыпать песком. К празднику Рождества Христова приказать дворникам обмыть трубы, колонки, столбы, ворота, ставни нижних этажей и окна; содержателям магазинов

предложить обмыть вывески, окна, двери, ставни и фасады магазинов. По окончании предпраздничного торга... очистить от мусора, бумаги и отбросов базары, площади и тротуары, убрать их и привести все в чистый, благоустроенный, праздничный вид». Дабы ничто не омрачало рождественский пейзаж, предлагалось «нищих с улиц забирать и отправлять в участки. Разносчиков и торговков с Крещатика удалять и упорствующих задерживать».

Чтобы успешно выполнить все эти нелегкие функции, обычного дежурного состава не хватало, посему полицмейстер распорядился «к наружной службе привлечь всех решительно надзирателей, в том числе паспортных и занимающихся в канцелярии».

Кроме полицейских, немало хлопот праздники доставляли работникам почты. Нагрузка на них приходилась изрядная. К примеру, когда Киев вступил в XX столетие, была опубликована любопытная статистика. Оказалось, что число разнесенных по городу поздравительных новогодних открыток с наклеенными на них трехкопеечными марками превысило 600 тысяч. Киевское население, кстати, в то время оценивалось в 260 тыс. жителей, причем количество грамотных не достигало и 60%. А городской штат писмоносцев составлял всего 40 человек. Специально для разноски новогодних поздравлений почтовая контора наняла еще 25 желающих.

И такая сравнительно небольшая команда уже 4 января доставила все открытки — в среднем свыше двух тысяч на одного разносчика в день. Это при том что самые большие здания не превышали 5-6 этажей, а в основном приходилось ходить по заснеженному городу между одно-двухэтажными домиками. Накануне же производилась сортировка, за которой почтальоны просидели всю новогоднюю ночь. Все это за ничтожное жалованье писмоносца — 18 руб. в месяц.

Зато владельцы книжных и писчебумажных магазинов, торговавшие открытками, потирали руки: их товар расходился на ура. Когда заканчивался запас специальных поздравительных карточек, в ход шли зимние виды города, на которые наспех наносили надпись «Съ Рождествомъ Христовымъ!» или «Съ Новымъ Годомъ!». Порой и их не хватало, и тогда в качестве рождественско-новогоднего ассортимента использовали все, что попало. Одна из таких открыток в честь Рождества изображала... домики Предместной Слободки на левом берегу Днепра, затопленные весенним паводком. Что и говорить, с черным юмором у киевлян всегда был полный порядок

День перед Рождеством

Автор: Info КИЕВ
16.12.2012 18:21

© Михаил Кальницкий